

Белые мелкие цветы звездчатки всю пестрели в траве. Их вырывали пригоршня за пригоршней, ловко стряхивали землю с корней и бросали в бамбуковую корзину.

Чанся, согнувшись в три погибели, без усталости работал руками. Когда на этом пятачке сочная зелень закончилась, он подхватил корзину и двинулся дальше по склону в поисках новой поляны.

Чуть поодаль Доу Цзиньхуа споро срезала серпом полынь.

Сегодня стар и млад ушли довольно далеко от дома: двигаясь вдоль речного русла, они наконец-то набрали на нетронутый, густой луг.

В деревне почти в каждом дворе держали кур да уток, да и свиней выращивали многие, не говоря уже о волах и ослах — если позволяли средства, крестьяне обязательно обзаводились хоть какой-то тягловой силой. С животным в хозяйстве любая работа, хоть дома, хоть в поле, становилась куда легче.

Но поскольку такой прожорливой скотины в округе было пруд пруди, всю зелень вблизи деревни подчистую скашивали каждый божий день. Стоило хорошей траве хоть немного пойти в рост, как её тут же срезал первый встречный. Так что ради богатого укуса приходилось забираться в глухие, дальние места.

Вскоре Чанся услышал знакомый перестук копыт и скрип колес. Он распрямил спину, обернулся и увидел Пэй Яо, который вел под уздцы ослиную повозку.

Когда парень подошел ближе, Доу Цзиньхуа и Чанся дружно высыпали свои корзины прямо в телегу.

Ослик остановился и тут же, пользуясь случаем, принялся щипать придорожную траву. Хруст стоял такой сочный и аппетитный, будто обычный сорняк, непригодный для человека, в пасти животного превращался в изысканное лакомство.

Пэй Яо был одет в простую холщовую куртку и короткие штаны, подпоясанные широким поясом — точь-в-точь как любой деревенский парень. Вот только руки и ноги у него были длинными, сам он был статным, поджарым, и фигура его отличалась редкостной статью.

В его сундуке хранились два длинных халата из добротной дорогой ткани, но Чэнь Чжи строго-настрого запрещал носить их в будни — только в гости к родне. Иначе, не дай бог, порвешь или испачкаешь хорошую вещь, потом локти кусать будешь.

Да и спину гнуть в длинном халате куда неудобнее, чем в рабочей куртке, так что Пэй Яо и сам берег обновки.

Кое-где на деревьях уже пожелтели первые листья, но, к счастью, до осеннего листопада время еще терпело, и у крестьян оставался добрый месяц, чтобы запастись кормами на зиму.

Пэй Яо снял с телеги пустую корзину и без лишних слов, вооружившись серпом, шагнул в густые заросли, принимаясь споро и ловко валить траву.

Чанся и Доу Цзиньхуа были людьми не разговорчивыми, а за работой и вовсе рта не открывали. К тому же косьба знатно утомляла поясницу и требовала немало сил. Когда гнешь спину на тяжелом крестьянском труде, тут уж не до пустой болтовни.

Втроем они дружно собирали звездчатку и полынь — эту сочную зелень везли домой свежей, чтобы сразу скормить свиньям и птице.

В то же самое время Чэнь Чжи, Пэй Юва и Пэй Цзаоань на другой ослиной повозке уехали к речной отмели косить камыш. Эта трава считалась отменным кормом: её сушили на зиму, чтобы потом подмешивать к рисовой и пшеничной соломе для ослов. Да и свиней перед предновогодним забоем надобно было откармливать на совесть, иначе спадут с тела, и на весах выйдет чистый убыток.

За лето они успели засушить немало сена, но теперь, с наступлением осени, нужда в сухих кормах становилась всё сильнее.

Пэй Яо был парнем молодым и сильным, так что, отпуская его на дальний луг вместе с бабушкой и Чанся, старшие в семье Пэй были совершенно спокойны.

Они трудились не покладая рук до самого полудня, пока солнце не припекло вовсю. Когда третью по счету телегу пригнали во двор, Чэнь Чжи уже вовсю хозяйничал на кухне, готовя обед.

На заднем дворе Чанся и Доу Цзиньхуа с помощью деревянных граблей сгружали траву с повозки, укладывая её у глинобитной стены в высокую, с человеческий рост, копу. Эти запасы предназначались для повседневного прокорма ослов и свиней, так что их сваливали как придется, без особой сушки. Для кур и уток тоже можно было в любой момент зачерпнуть целую корзину, мелко порубить зелень и высыпать в деревянное корыто.

А вот скошенный камыш разложили на просторном переднем дворе, отгородив длинными деревянными жердями от прочих диких трав, дабы не перепутать во время просушки.

От долгой работы пальцы налились зеленоватым соком, покрылись пылью и сделались чернее сажи.

Чанся начисто вымыл руки у колодца и поспешил на кухню, чтобы помочь по хозяйству.

После обеда они перевели дух около получаса, а затем Чэнь Чжи и Пэй Юва снова запрягли осла, поторопив Пэй Яо и Чанся тоже собираться в дорогу. Сегодня в поле особых забот не было, так что следовало ловить момент и везти в дом как можно больше сена.

\*

Так они без усталости косили три дня подряд. Теперь весь двор усадьбы Пэй был устлан вянущей травой, и под теплыми лучами солнца повсюду разливался густой, пряный аромат сена.

Помимо корма для скотины, засушили и того, что шло в пищу людям. К примеру, нежные побеги портулака Чэнь Чжи бережно разложил на старой бамбуковой циновке — там было чище, а высушенная зелень зимой пойдет на ура.

\*Плюх!\*

Чанся наполнил до краев все водоносные чаны как внутри кухни, так и снаружи у порога. Пэй Яо с грохотом опустил пустое деревянное ведро на землю. В доме наконец-то воцарилась тишина, и у парня выдалась свободная минутка. Он вынес из комнаты неоконченную деревянную поделку, устроился на пороге и принялся увлеченно вырезать да обтесывать брусок.

А Чанся и Доу Цзиньхуа тем временем ушли к реке стирать белье.

Одежды после трех дней сенокоса набралось на целую гору — грязная, пропотевшая, хоть выжимай. Да и плетеные лапти надобно было хорошенько отмыть, несколько пар сиротливо ждали своей очереди на берегу.

В руках Чанся без умолку стучал увесистый деревянный валец: \*тук-тук-тук\*.

Доу Цзиньхуа с силой терла рубахи о плоский валун, но мыльная пена от диких мыльных плодов поначалу даже не показывалась — вода шла мутная, грязно-желтая. Лишь со второго захода белье удалось отстирать дочиста.

Прошло немало времени, прежде чем обессиленные, они подхватили тяжелые тазы, ведра и мокрые, хлюпающие лапти и направились к дому.

От речного берега до задворок усадьбы Пэй нужно было пройти приличное расстояние. Мокрое белье, как его ни выжимай, оставалось тяжелым, отчего руки быстро наливались свинцом.

Едва переступив порог, Чанся поспешил к бельевым веревкам, со стуком опустил ведра на землю и с облегчением выдохнул, тряхнув затекшими кистями.

Пэй Яо, завидев их возвращение, отложил в сторону брусок и резцы, подхватил глиняный чайник и налил две чашки прохладной воды, выставив их на маленький квадратный столик:

— Бабушка, я водички налил, попейте.

— Вот и ладно, — отозвалась Доу Цзиньхуа, со вздохом усаживаясь на табурет, чтобы дать отдых старым ногам.

Чанся в одиночку развесил всю одежду и лишь после этого подошел к столу, чтобы утолить жажду.

Пэй Яо мазнул по нему быстрым взглядом, промолчал и снова уткнулся в свою деревяшку.

Доу Цзиньхуа посидела во дворе какое-то время, задрав голову, оценила положение солнца и вспомнила, что на крыше дровяного сарая сушатся семь или восемь бамбуковых подносов с ягодами годжи и целебными кореньями. Не став беспокоить молодых, старушка сама полезла по приставной лестнице.

Стоя на деревянных перекладинах, она осторожно поворошила ягоды руками, чтобы те подсыхали ровно и не подгнивали.

Спустившись на землю, она бросила:

— Пойду прилягу, отдохну.

— Угу, — кивнул Чанся.

Пэй Яо вовсю трудился, не поднимая головы, так что Чанся, осушив чашку, в комнату уходить не стал. Он остался сидеть во дворе, с наслаждением подставляя лицо ласковому солнцу и прохладному ветерку.

Речная вода была ледяной, но стоило рукам и запястьям побыть на солнышке, как по телу

разлилось приятное тепло. Настоящие осенние холода еще не вступили в свои права.

Мелкие щепки и стружка бескончаемым потоком сыпались из-под рук Пэй Яо. Чанся лениво перевел взгляд на эту кучку мусора, мысленно рассудив: «Вот закончит работу, подмету всё, подсушу на солнышке — для растопки очага милое дело будет».

Так, в тишине и покое, они провели еще немного времени. Наконец Чанся поднялся на ноги и отправился в огород, чтобы сорвать чего-нибудь к обеду.

Летние огурцы совсем перезрели, плети пора было выдергивать. Он сорвал последние четыре или пять пожелтевших плодов — если снять с них толстую кожицу, они вполне сгодятся для обжарки. А вот осенние огурцы, высаженные в разгар лета, только-только пошли в рост и цеплялись усами за подпорки, до завязей было еще далеко. Зато молодая хризантема увенчанная [тунхао— популярный в азиатской кухне листовой овощ со специфическим пряным ароматом] уродилась на диво сочной и нежной, и юноша быстро набрал половину корзины этой зелени.

Чэнь Чжи и Пэй Юва ушли провести родню, так что сегодня за столом должны были сидеть всего четверо.

В кладовой еще с прошлых дней лежал подаренный дальними родственниками кабачок-горлянка — из него выйдет отличная тушенка. До кучи можно выудить из бочонка соленую репу да мелко её накрошить — вот и весь нехитрый обед, вполне достаточно.

Чанся устроился у порога кухни и принялся мыть овощи.

Все водяные чаны, что стояли в доме и во дворе, были плотно прикрыты деревянными крышками, дабы внутрь не летела пыль и огородная грязь.

Пэй Яо тем временем вертел в руках свою поделку, придирчиво её разглядывая. Он задумал вырезать певчую овсянку (вид певчих воробьиных птиц), сидящую на ветке дерева, да только мастерства парню пока не хватало — одна заготовка уже отправилась в мусор.

Та птица вышла грубоватой, и даже краска не смогла скрыть изъяны: фигурка казалась неживой, лишенной всякой искры. Оставшись недоволен, Пэй Яо без жалости зашвырнул её в старый ящик и принялся заново ковырять свежий брусок.

Шея изрядно затекла. Он поднял голову, с силой помял загривок и заметил, что Чанся ушел на кухню, откуда вскоре донесся мерный стук ножа по разделочной доске.

Пэй Яо отложил брусок и резцы, поднялся и зашагал следом за ним.

Рука, сжимавшая кухонный нож, на миг замерла. Чанся невольно напрягся — сегодня папы дома не было, защитить некому.

Он украдкой глянул во двор: бабушка ушла в комнату, дед ушел в горы за хворостом и еще не вернулся. Во дворе стояла мертвая тишина, ни души.

Пэй Яо, по правде говоря, ничего дурного не замышлял. Ему просто стало невыносимо скучно, вот он и решил привязаться к Чанся.

Но стоило ему увидеть этот испуганный, робкий вид, как рука парня сама собой взметнулась вверх, и он отвесил Чанся звонкий щелбан прямо по лбу.

Лоб обожгло короткой болью. Чанся нахмурился, отложил нож и принялся тереть ушибленное место.

Пэй Яо задорно вскинул брови, явно довольный своим баловством.

Он заранее знал, что этот недотепа поведет себя как обычно: стерпит обиду и ни за что не посмеет дать сдачи, не говоря уже о том, чтобы обругать или полезть в драку. Трус трусом, даже звука не издаст.

— Ну и трус же ты, — в голосе парня сквозило легкое пренебрежение, но в глазах плясали веселые искорки.

Возразить Чанся не мог. Погоревав про себя, он снова взялся за нож и продолжил крошить овощи, решив твердо следовать совету папы: просто не обращать на сорванца внимания. Не станет же тот отвешивать щелбаны без конца.

Однако Пэй Яо его «холодного приема» словно и не заметил. Настроение у него оставалось превосходным; опершись одной рукой о кухонный стол и небрежно привалившись боком к стене, он и не думал уходить.

Стук ножа не утихал, а мысли Пэй Яо тем временем витали бог весть где: то он засматривался на лицо и губы Чанся, то снова злился на его излишнюю мягкотелость и глупость. Вдруг он спросил:

— Раз ты у меня такой пугливый, небось и на улице тебя каждый встречный обидеть горазд?

Рука Чанся замерла. Он повернул голову и с немим укором посмотрел на названного брата — взгляд его красноречивее всяких слов говорил сам за себя.

«Да кроме тебя самого, в этой деревне меня никто больше так не обижает!»

Пэй Яо наконец-то смутился. Чтобы скрыть неловкость, он приглушенно хмыкнул и буркнул:

— Ну, я-то не в счет! Как ты можешь равнять меня с чужаками с улицы?

Он ведь не со зла его дразнил, и уж точно не собирался колотить по-настоящему.

«Прав или виноват, а всё едино свое доказывает» — так Чэнь Чжи частенько поносил сына за упрямство. Вот и у Чанся сейчас губы дрогнули, так и подмывало высказать парню эту горькую правду в лицо.

Взгляд Пэй Яо скользнул к его губам, и бог весть, какие картины нарисовало его воображение, но опущенные глаза парня на миг потемнели.

Заметив этот странный взгляд, Чанся испуганно захлопнул рот, решив от греха подальше вообще помалкивать.

Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем кадык Пэй Яо судорожно дернулся. Взгляд его прояснился, и он как ни в чем не бывало стянул с доски пару ломтиков огурца, с хрустом отправляя их в рот.

«Ишь ты, трус-трусом, а ябедничать мастер!» — подумал парень. В детстве из-за того, что Чанся чуть что принимался тихонько лить слезы, Пэй Яо не раз знатно перепало от папы.

Еще с малых лет он усвоил твердое правило: Чанся лучше не злить, а уж поднять на него руку — и думать не смей. Стоит хоть пальцем приемыша тронуть, дома его мигом свяжут да выдерут плетью без жалости.

В те поры ему казалось, будто папа без памяти любит чужого ребенка, оттого он и невзлюбил Чанся, и, даже повзрослев, держался с ним холодно и ровно.

А если по совести пораскинуть умом, Чанся ведь просто хотел уберечь его, неразумного, чтобы тот не сорвался с кручи у реки и не пропал в глухих горах, а он, упрямый гордец, не желал слушать дельных советов и доводил сироту до слез.

Пэй Яо вздохнул про себя: «Да уж, в детстве я и впрямь был не сахар... Но признавать это вслух ни за что не стану!»

Он состроил самую серьезную мину и строго промолвил:

— Коли на улице тебя и впрямь кто вздумает обидеть — не смей молчать как пень, не позволяй обводить себя вокруг пальца. Даже если побоишься папе дома доложить, мне-то всяко рассказать должен!

Брови Пэй Яо внезапно сошлись на переносице, и, не дожидаясь ответа, он с нажимом добавил:

— И запомни твердо: кроме меня, ежели кто к тебе руки потянет, обнять вздумает или за лицо ухватить — гони взашей! Держись от деревенских парней как можно дальше, и упаси тебя бог позволить кому-то себя поцеловать!

При последних словах на его лбу отчетливо запульсировала жилка, а на висках едва не выступили синие вены от подступившего гнева.

Чанся от таких речей совсем растерялся и не нашелся, что ответить.

Пэй Яо аж закипал от досады:

— Слышишь, что говорю? Такие люди — сплошь безбожие бабники, они тебя только сладкими речами кормить горазды, чтобы честь попрасть да выгоду свою поиметь! В таких делах слабинку давать нельзя. Кем бы ни был этот человек — держи ухо востро и близко не подпускай. Стоит тебе хоть разок улыбнуться им из вежливости — так они, мерзавцы, на такое позарятся, что и подумать страшно!

— Я вовсе не такой глупый, как тебе кажется, — глухо отозвался Чанся.

Он не сдержался и с обидой добавил:

— Я прекрасно знаю, что можно, а чего нельзя, и бесстыдством исстари не отличался. С чего ты взял, что можешь поносить меня такими словами?

На душе у Чанся сделалось горько-горько.

Он ведь не был каким-то распутником, чтобы творить непотребства без стыда и совести! Да и вообще, только потому, что Пэй Яо был его суженым, нареченным мужем еще с малых лет, он и позволял ему лишнее...

Зачем же теперь выставять его в таком непотребном свете?

Пэй Яо опешил. Он долго молча кусал губы, а после отвернулся, пряча глаза от Чанся, и неловко выдавил:

— Ладно... это я сгоряча глупость сморозил.

Видя, что Чанся по-прежнему стоит с понурой головой и тучей на лице, парень опустил взгляд и, отчаянно борясь с гордостью, нехотя добавил:

— Я зря это ляпнул. Прости меня.

Чанся смахнул нарезанные огурцы в глиняную миску и принялся мелко крошить хризантему. Спустя пару долгих мгновений он едва слышно обронил:

— Угу.

Только тогда Пэй Яо наконец-то перестал чувствовать себя виноватым.

Он огляделся по сторонам и спросил:

— Огонь развести?

— Да, пора бы уже обед готовить, — обида Чанся еще не утихла до конца.

Он отродясь не умел закатывать бурные сцены, оттого и ответил по-доброму, тихо, вот только голос его звучал совсем уныло и безжизненно.

Пэй Яо поскреб пальцем кончик носа, прекрасно понимая, что в этот раз знатно перегнул палку. Как загладить вину перед приеме, он решительно не знал, оттого поспешно устроился на корточках перед топкой, подхватил пучок сухой соломы и принялся высекать искру кремнем.

<http://bllate.org/book/17875/1730703>